

Марфа Романова и Ключаревский род

[...] Наше село старинное. Лет десять когда мне было, в то время праздновали трехсотлетие царствования дома Романовых. С Повенца на пароходе привезли такую икону Николая-чудотворца, да всё; одним словом, эдак торжественно провожали трехсотлетие [...].

Прежде было: царь Годунов праздновал (он, кажется, зять еще государя был, этот Борис Годунов), было смутное время тогда на Руси. Ну и вот бояра видят, что тут Борис Годунов худо царствует да всё да. Смутное время всё такое было, ну вот и решили выбрать своего царя, своего местного царя. Ну и, так сказать, пожелали выбрать из родовитого боярского племени. И вот в то время был знаменитый, значит, Филарет, митрополит Филарет был. У него был сын Михаил, шестнадцатилетний. И вот бояре решили выбрать этого Михаила царем.

А этот, Борис-то Годунов, как узнал, что Михаила Федоровича выбирают царем, он взял сослал его в Псковскую губернию, в ссылку сослал. Отца, Филарета, в Девичий монастырь сослал. А мать ихну (Марфа Посадница называлась) сослал сюда: за Онегом — вот Толвуя, Шуньга, Кузаранда — эта земля называлась Заонежская пятина. И вот в эту Заонежскую пятину он, так сказать, сослал мать Михаила Федоровича. Ну, она (как Чёлмужи — это ближайшее село) приезжала сюда, в Чёлмужу.

А здесь была церковь, вот и сейчас существует, Петра и Павла церковь, вот уже четыреста лет теперь скоро будет этой церкви. При ней был ключарь такой (не знаю, уж староста ли он был ли церковный или кто такой, но ключарь был). Он заведовал этой церковью. Дак он приглашал эту мать Михаила Федоровича Романова, кормил сигаами (здесь рыбы много ловилось), кормил ю.

Прадедом-то этим всем боярам Ключарёвым (что вот в той деревне Ключарёвы-то есть) вот этот самый ключарь-то и оказался: им Ключарёвы фамилия, сейчас восемь хозяйств их осталось, а тогда один был.

А церковь вот эта, что сейчас существует, — Петра и Павла, в то время существовала тая церковь...

Ну, ладно. Потом, значит, когда уже Михаила Федоровича бояра-то выбрали царем и мать отсюда доставляли в Москву, и как раз мать-то в награду за то, что этот ключарь ее кормил, оберегал — всё, за это она ему дала вотчину. Вотчину — вот это крестьян нашей деревни Кручихи, Верховья, значит, — дала этому ключарю в награду. И он стал уже боярином.

С тех пор вот эта Боярщина-то и существует. Слово «боярщина» — это такое название, а настоящее им — деревня Исааковская. А боярам, как бояра, так Боярщина и есть.

И наградила этого ключаря этой вотчиной-то. И вот наши крестьяна до периода, когда царь Александр Второй освободил этих крестьян от помещиков, — в тот момент и наши крестьяна освободились от бояр, в тот момент [...].

Боярам была дана обширная дача лесная, потом земли, покосы — всё ихно было, всё было ихно. Крестьяна у них работали в батраках; у них, у бояр, работали эти крестьяна.

Ну, одним словом, тот-то, не знаю, как жил этот ключарь, а потомство-то было, значит, такое, что они как бояра да жили на крестьянской шее, да тут жили да всё да, конечно, вели себя тоже уже как хозяева, так сказать; ну, очень заносились этим своим положением. Ну, жили, я говорю, на крестьянской шее жили, на крестьянской.

Ну, рассказывают старушки вот это наши, прабабушка рассказывала, что как утро:

— Эй, на работу! [...]

И шли на работу к им в то время.

Ну вот, и с тех пор, так сказать, вот эта Боярщина оказалась. Они оказались бояра, а наши вот прадеды оказались у помещиков подчиненными [...].

А вот я говорю, как в кучке накладывают эти деньги, как бояра получают за дачу, за лесную дачу получают деньги, так по кучкам раскладывают, какому боярину сколько, да потом гребут к себе в шапку деньги-то со стола [...].

(Зап. от Н. Х. Гладкова, в 1971 г. в д. Чёлмужи Медвежьегорского р-на КАССР.)

Северные предания, (Беломорско-Обонежский район) / Изд. подгот. Н. А. Криничная. Л., 1978.